

Владимир Калинин

**РАЗБУДИ МЕНЯ,
ДРОБЬ
БАРАБАННАЯ**

Часть вторая

Владимир Калинин

**Разбуди меня, дробь
барабанная. Часть вторая**

«Издательские решения»

Калинин В.

Разбуди меня, дробь барабанная. Часть вторая / В. Калинин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907854-4

Жизнь преподносит нам сюрпризы, Николаю Галитину изменила жена. Развод, неудачная попытка создать новую семью, поездка на Север за «длинным рублём». Вдобавок ко всему он видит сны с приключениями и мистикой. То он казачий вахмистр, воюющий с супостатами в далёкий- далёкий век. А то советский техник-лейтенант, оказавшись узником ГУЛАГа, создаёт возможность освобождения и дальнейшей борьбы в условиях Заполярья.

ISBN 978-5-44-907854-4

© Калинин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава седьмая. С любимыми не разбегайтесь!	6
Глава восьмая. И снова в бой, покой, уже не снится!	9
Глава девятая. Прощай завод и коллектив, как прошлой жизни негатив!	12
Глава десятая. Не долгие сборы, забудем раздоры!	14
Глава одиннадцатая. На Границе тучи ходят хмуро...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Разбуди меня, дробь барабанная Часть вторая

Владимир Калинин

© Владимир Калинин, 2018

ISBN 978-5-4490-7854-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава седьмая. С любимыми не разбегайтесь!

– Коля, шабаш, идём на обед! Кричал Генка Простаков, вытирая замазученные руки куском ветоши, я кивнул ему, и выключил сварочный аппарат. В колхозной МТМ, мы работали сегодня вдвоём, потому, что суббота выходной день, и механизаторы, как в прочем и другие колхозники, использовали свои законные выходные в личных целях. Поскольку, с началом весенне-полевых работ, это будет весьма проблематично. А у нас с Геной была цель, ради которой стоило пожертвовать выходным.

Конец февраля, уже минуло три недели, как Наташа, выставила из квартиры мой чемодан, и захлопнула перед носом дверь. Она смотрела на меня с такой ненавистью, и её злые несправедливые слова, до сих пор звенят в моих ушах, и терзают мне душу. Тогда, всё произошло, как то спонтанно, и нелепо, мне было обидно и горько, от того, что мне не поверила моя любимая женщина. Она отвергла меня, с непреклонной решимостью, навсегда. А сейчас, я думаю иначе, так мне и надо! Я не смог уберечь её, от этих мерзких интриг, от переживания и горя, и грош мне цена! Мужчина всегда главный ответчик за семью, ведь мог я тогда, просто не пойти на тот юбилей, и проводы на пенсию.

Тогда, после нашей знаменитой рыбалки, на другой день, мы, как обычно, уехали на завод. Перед работой, в кабину зашёл Петрович, уточнил сменное задание и сказал, – гони трояк, – что означало, дай три рубля, и успокойся! Расписываясь, в предложенной ведомости, я спросил, кого хороним Петрович? – Типун тебе на язык, Галитин! Завтра провожаем на пенсию, Подшивалова Фёдора Кузьмича, нужно купить памятный подарок! И ни чего, тогда мне беды, не предвещало. А на другой день, в конце смены, когда у меня в кабинке была Наташа, зашёл Фёдор Кузьмич. – Коля, приглашаю тебя сейчас, после работы, в гостиницу ресторана «Восточный», посидим там, всей нашей бригадой, приходи в номер 16! У меня не было особого желания, присутствовать на этом вечере, а Наташа сказала. – Ничего страшного не случится, если ты проводишь юбиляра на заслуженный отдых, ведь у вас принято в бригаде, собирать «мальчишники»! Наташа, мне доверяла, безоговорочно! Почему, я тогда с ней согласился?! Гостиница, была через два квартала от завода, но я задержался, на четверть часа, провожая Наташу до остановки.

Номер 16, был двухкомнатный, в первой комнате стоял длинный стол, за которым сидела вся наша бригада, за исключением Светки и Толи Няшина. Фёдор Кузьмич, сидевший в торце стола, поднялся и крикнул, указывая на меня пальцем. – Штрафную ему, за опоздание! Одобрительный гул, прокатился над столом, ломящимся от закуски и спиртного. Меня усадили рядом с Петровичем, на краю стола, и горничная Катя, поднесла мне на подносе, рюмку водки и тарелку с салатом. Уж так у нас было заведено, откупать для подобных мероприятий, номер гостиницы, минуя бухгалтерию ресторана, не в накладе оказывались, только администратор и горничная, и для нас, всё было «дешево и сердито»! Я встал, подняв рюмку, поздравил Кузьмича и выпил её до дна, это было последним, что я помнил с того вечера.

Проснувшись, в полной темноте, я долго не мог сообразить, где я нахожусь. Голова моя раскалывалась от боли, во рту всё пересохло, и я изнывал от жажды. У меня хватило ума, встать с кровати и сделать несколько шагов, я упёрся руками в стену, пошарив ими по стенам, нашёл выключатель. О боже, прямо на меня смотрел, взлохмаченный, весь помятый и расхлистанный тип, и только, когда с меня сползли, не застёгнутые брюки, я понял, что вижу собственное отражение в зеркале. Я обвёл глазами незнакомую комнату, взгляд остановился на настенных часах, без пяти двенадцать, чёрт побери, я же в гостинице! Я бежал по улице домой, и с ужасом представлял, что она думает обо мне сейчас!? Но, Наташа, встретила меня так, как могла бы встретить, только любящая жена, она открыла дверь сразу, значит, не спала, а ждала меня. – Наконец то, Коленька! – Что то, загулялся ты муженёк, – говорила она, улы-

баясь? – Прости, милая! Отравился я, чем то!? Она, шутя, предположила. – Наверное, водкой, но это не страшно, сейчас я тебя вылечу! И достала из холодильника бутылку «Столичной». – Не надо, Наташенька, я не пьяный, я выпил всего одну рюмку и уснул. Сам не знаю, почему, никогда такого со мной не бывало! Воды бы выпил сейчас, бочку! – Горюшко моё! Говорила она, ласково, наливая в бокал холодный компот. И опять я успокоился, но напрасно! Через два дня, в пятницу, нам выдали зарплату, мы с Наташей, довольные, ехали домой. – Ой, Наташа, мне же надо детям деньги отвезти! – Конечно, Коля! Сейчас прямо и поезжай, только не задерживайся долго, а я, этим временем, ужин приготовлю! Автобус был, как раз, нужный мне, Наташа вышла на рынке, как обычно, а я поехал к Маме и детям, совсем не думая, что это обычное расставание, окажется долгой разлукой.

Я недолго пробыл в родительском доме, приехал отец, привёз мясо забитого, накануне, кабанчика, часть, которого, перепала и мне, отдал деньги Маме, наговорился со всеми и поспешил домой к Наташе. Она была взбешена, и было видно, по подтёкам туши на щеках, что недавно плакала. Выставив, за порог, мой чемодан, она, гневно, прокричала мне в лицо. – Я верила тебе, как себе, а ты, подло, предал меня! Не желаю тебя знать и видеть, исчезни, из моей жизни, навсегда! И захлопнула, передо мной, дверь. От неожиданной, перемены её поведения, я стоял, обескураженный, у двери квартиры, соображая, «что, зачем и почему». Потом, начал терроризировать звонок её квартиры, но поняв безуспешность своих попыток, прекратил их, и вышел из подъезда. Мне обязательно нужно было поговорить с Наташей, но простояв в телефонной будке полчаса, я слышал только длинные гудки, она не подходила к телефону. Что мне было делать? Я поехал назад, к родителям, не зная, как объяснить им, своё, неожиданное, возвращение. Отец, впусив меня, хмуро смотрел на мой чемодан. Зная его нрав, я виновато сказал. – Батя, принимай блудного сына, на постоя! И тут он взорвался, говорил обидно и резко, не стесняясь нецензурных выражений, в мой адрес. – Что ты болтаешься, как д...о в проруби! До каких пор, я тебе должен сопли утирать, разберись, наконец, в своей жизни сам, раз и навсегда, будь мужиком! Я стоял, красный, как рак, от возбуждения, мне обидно было слушать, эти, казалось бы, не заслуженные упрёки. И последние его слова, взорвали и меня, прекращая нашу дискуссию, я громко сказал. – В моей жизни, всё нормально, спасибо за заботу, будьте здоровы! Поставил авоську с мясом в угол, и вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Морозный воздух остудил мой пыл, трезво взвесив своё положение, в данный, жизненный момент, я принял суровую неизбежность, как руководство к действию. На ходу, для себя, наметил дальнейший план, который обязан был выполнить, хоть кровь из носу. В первую очередь, мне нужен был ночлег, и я, не мудрствуя лукаво, поехал в гостиницу «Восточная». Там всегда были свободные номера, а главное, рядом был мой завод, с которым, я в скором времени расстанусь. Администраторша, меня узнала сразу, едва я вошёл в холл гостиницы. – Никак, понравилось у нас, молодой человек? – А мы, всегда вам рады! И с улыбкой, спросила. – Будем оформляться! – Будем! Сказал я, и подошёл к стойке. – Будьте добры, ваш паспорт! Деловито поинтересовалась. – На какой срок, намерены, остановиться у нас? – Пока на неделю, и пожалуйста, одноместный номер! В маленькой комнатке, именуемой номер 23, кроме старой односпальной, деревянной кровати, обшарпанного платяного шкафа, и стола, допотопных времён, больше не было ни чего, но меня всё устраивало. Я сел на кровать, стул или табурет, видимо, здесь, тоже считались излишеством, и решил разобрать чемодан. Открыв его, я увидел большой бумажный конверт, лежавший сверху вещей, его содержимое было шокирующим. На фотографиях, довольно хорошей работы, были я и Светка, совершенно голые, в разных ракурсах, изображающие любовную страсть. Я был повергнут в чудовищный обман, этого же ни когда не было, и не могло быть! Можно предположить, что чувствовала Наташа, глядя на эти фото, в любом случае, мне нет оправданий! Немного успокоившись, я стал, детально, рассматривать фото, как будь- то, знакомое место. Обои, кровать, да это же гостиничный номер, где мы чествовали Фёдора Кузьмича, очень интересно! Это не был фотомонтаж. На всех фото,

всё было натурально, за исключением, одной маленькой детали. Это видно, не вооружённым взглядом, на каждом снимке, я выглядел, как музейный, восковой экспонат, или безвольная кукла, с закрытыми глазами. Неужели... неужели, всё было подстроено?! И, «отрубился» я так быстро, почему?! Снотворное, однозначно! Но кому это нужно? Кто мои враги? Меня, вдруг, осенило, Светка и Няшин, подло, мстят мне! Я смогу это быстро проверить, и уж тогда, как говорится, не взъщтите! В эту ночь, я долго не мог заснуть, думы одолевали меня, мне тридцать лет, чего я достиг? Практически ничего! А потерял многое! И в мои планы сейчас входило, всё восстановить и приумножить, чего бы, это не стоило.

Глава восьмая. И снова в бой, покой, уже не снится!

Сплю я, или не сплю, опять этот туман, который, медленно рассеивается, оркестр играет «варшавянку». Я стою, во второй шеренге, кругом одни молодые лейтенанты, в новой форме, затянутые, в пахнувшие краской, скрипучие португели, с кубарями в петлицах, и на мне точно такая же форма. – Где мы! Шёпотом, спросил я лейтенанта, стоящего справа. – На выпуске, Коля! Так же шёпотом, улыбаясь, ответил он. – А ты кто? – Да, видать, сильно тебя вчера НКВДешник прикладом двинул, память теряешь! – Я, Витя Сазонов! – Отставить, разговоры! Грозным шёпотом, прошипел седой, усатый старшина. Не ведомо, как, оказавшийся, сзади. Оркестр смолк, полковник-орденоносец поднялся на трибуну, поздравил нас, с успешным окончанием училища, и произнёс напутственную речь. Потом, был последний проход торжественным маршем, и дана команда разойдись. – Очнись, Коля! Дружок мой закадычный! Ура, мы техники-лейтенанты, прощай учёба, здравствуй служба!

Витя Сазонов, ликуя, тряс меня за плечи, и ликовал не он один, на плацу было всеобщее оживление, кругом слышались восторженные возгласы. Молодые, новоиспечённые, командиры прощались с училищем. Я никого из них не помнил, так же как Витю Сазонова, и начальника училища полковника-орденоносца, и строгого усатого старшину, который, два года был старшиной нашей курсантской роты. А вот, и он, лёгок на помине. – Не хорошо, товарищи командиры, грубое нарушение устава, разговор в строю, от вас, ни как не ожидал! Виктор, шутливо, осадил старика. – Пётр Евсеич, а отчитывание, старших по званию, нарушение субординации! – Да, я проститься с вами, сынки, вы были лучшими в роте! Он, крепко, пожал нам руки. – Слышал я, краем уха, что вас обоих направляют на западную границу, служите честно, сынки! И отдал нам честь! Мы простились с ним, козырнув ответно. Виктор сказал. – Сейчас пойдём в штаб, получать направления, хорошо бы, в одну часть, да Коля?! Я, молча, кивнул. – Ты такой заторможенный! А как мы вчера спасали Асю, ты помнишь? Как вчера арестовали, Антона Викентьевича, помнишь?

Антон Викентьевича и Асю, я, как ни странно, помнил, и горечь утраты, близких людей, и печальные воспоминания, вновь, нахлынули на меня. Ведь, только вчера, было всё так прекрасно, тёплый весенний день. Я шёл в своё последнее увольнение, накануне выпуска, шёл на дачу Антона Викентьевича, с твёрдой решимостью, просить у него руки его дочери. Моей милой Аси, с которой у нас был уговор, но всё вышло, по другому. Я увидел, что во дворе дачи стоял чёрный автобус, с решётками на окнах, и похолодел, потому, что я знал, что это за автобус, его не спутаешь ни с каким другим! Но, в чём же виноват, Антон Викентьевич, я никогда никому не поверю, что он враг народа! У дверцы автобуса стоял и курил шофёр, в форме НКВД. Вдруг, на крыльце дачи появился, Антон Викентьевич, под конвоем двух солдат, он шёл, спотыкаясь, руки за спину, на щеке его был кровоподтёк. Я спрятался в заросли кустарника, мне нужно было увидеть Асю. Солдаты завели отца Аси в автобус, и ушли обратно в дом.

Когда же они уедут, наверное, делают обыск, так у них заведено, а как же, ищут оружие и «шпионскую» литературу. Но вот, конвоиры вывели Асю, она то, в чём виновата, ну нет, её то, я вам не отдам! Когда конвой поравнялся со мной, я, неожиданно, выскочил, сбил с ног заднего конвоира, выхватив, у него из рук, и отбрасывая, далеко в сторону, его карабин. Ася, смотрела на меня, замерев на месте, я схватил её за руку, и быстрым рывком, направил в придорожные заросли, а сам, потерял равновесие, от сильного удара в спину. Вскикая, на ноги, я увидел, как, курсант нашего училища, лица, которого, я не разглядел, ловко «вырубил», второго конвоира. Мы, ломанулись в чащу, догонять Асю. Из окна дачи раздались pistolетные выстрелы, пули просвистели над нашими головами. Мы бежали к протоке, и видели впереди, бегущую, Асю, только бы лодка оказалась на месте, которая, всегда стояла там, у мостков. Нам повезло, лодка была на месте, мы переправились за пару минут и по тропинке скрылись в зарослях.

Тропинка, вывела нас к большаку, который, соединял рыбхоз и большое село, на берегу реки, километрах в трёх, от нас. Курсант, наш верный помощник, куда-то пропал. Ася милая, ты не должна попасть им в руки, у тебя есть родственники, у кого ты могла бы укрыться, хотя бы на время? Она, как то неуверенно, пожалала плечами, и сказала. – Вообще-то, всех, кого я знала, давно нет в живых, есть ещё тётка, Виолетта, жена папиного брата, Григория! – Он служил в белой армии и эмигрировал за границу, но мы с ней никогда не роднились! – Асенька, может быть, это даже и лучше, там не будут искать! Где она живёт, далеко? – Нет, не далеко, вниз по реке, километров сто, село есть, со смешным названием, Веселиха! Слева, где то на протоке, забახали выстрелы, я с тревогой подумал о нашем курсанте, ведь это он уводит погоню.

Со стороны рыбхоза, гремела пароконная подводка, это, весьма, кстати, нельзя терять драгоценное время.– Ася, ты поедешь к тётке Виолетте, сейчас, я посажу тебя на эту подводку! Доедешь до деревни, сядешь на пароход, на речном вокзале не маяч, по дороге, узнай у возницы, как ходят пароходы! Ася, хотела воспротивиться этому, но я, вежливо, не дал ей говорить. – Не перебивай меня, Ася, у нас мало времени, – отдал ей все, имеющиеся у меня, деньги, спросил, как фамилия её тётки, и какой там район. Возница, сам остановил подводку, это был пожилой мужик, с весёлыми глазами и морщинистым лицом. – Никак, на пристань поспешите, молодёжь? – Да, жену вот, провожаю! Не подбросите? – А то, как же! В аккурат, поспеем! Он, быстро, снял с себя, и застелил телегу, брезентовым дождевиком, – сидайте, барышня! Я посадил Асю на подводку, поцеловал, и крикнул вдогонку, ускоряющей ход телеге, – я напишу тебе Ася!

Мне тоже следовало торопиться, и я побежал в рыбхоз, там ходил городской автобус. У меня, ещё было уйма времени, до конца увольнения, но, чтобы оторваться от преследования, я думаю, его не было совсем! Мне удалось вчера, благополучно, вернуться в училище, и Виктору тоже, а вот, об Асе, мы не знали ничего. В штабе, мы пробыли около двух часов, прежде, чем получили, все необходимые документы. Нас распределили в один механизированный корпус, только в разные дивизии. Корпус находился в местечке N, неподалёку от города Бреста, и убыть к месту службы, мы обязаны были сегодня, вечерним, пятичасовым поездом. Слава, Всевышнему, в лице нашего командования, что оно так, а не иначе, решило нашу судьбу! Мы были рады, что до отправки поезда оставалось, чуть более двух часов. Скоро покинем этот город, в котором, задерживаться нам, было, по настоящему, опасно. Вот, мы уже в вагоне, лежим на верхних полках, паровоз, как-то не натурально, отметил отправление, не гудком, а просто крикнул, ту-ту, и сильно дёрнул состав. Колёса, не постукивали на стыках, как обычно, а брнчали, как жестяное ведро, и паровоз, вместо пара, выплёскивал воду. А, Виктор, почему то, женским голосом, хихикал, и нудно, канючил. – Коля, подъём, подъём!

Открыв глаза, я увидел Светку, которая, сидела, вальяжно, на появившемся, в номере стуле. Она, продолжая хихикать, толкала мою кровать, ногой. А горничная, Катя, весьма небрежно, мыла в номере пол, нещадно, разбрызгивая лентяйкой, воду. Я в один миг пришёл в ярость, не знаю, что меня сдержало, но я не бросился на них, как взбесившийся бык. Не обругал матом, а тихо, но грозно, сказал, быстро, вышли, вон, из номера, обе! Вид, у меня, надо полагать, был соответствующий, потому, что Светка, подскочила, и, икая, от испуга, попятилась к дверям. Катя попыталась, не смело, возразить, но я крикнул вон, и она, подхватив ведро, выбежала из номера, вслед за Светкой. Однако поспал я изрядно, уже шёл десятый час, пора вставать. Быстро поднявшись, я заправил кровать, снял пижаму и надел спортивный костюм. Прделав несколько разминочных упражнений, я отправился в общий санузел, с полотенцем на плече. Вот, те на, мною выдворенные дамы, виновато, стояли у дверей номера. – Вот, теперь горничная, можете заниматься, своими служебными делами! А вам, коварная особа, как лицу, совершенно постороннему, в моём номере делать нечего, вдруг, у меня вещи пропадут, заявлю в милицию! Сказал я Светке.

Светка, ждала меня, там же, у двери номера, пока я принимал утренний туалет, было видно, что она с глубокого похмелья, но весёлость её вдруг улетучилась, и стояла она такая горемычная, вот-вот готовая заплакать. – Ну, что тебе надо? Зло, спросил я. – Ты отомстила, добилась своего! Из глаз её потекли слёзы. – Ничего я не добилась, мне ты нужен! Прости меня Коленька! – Дура ты, Светка, подлая дура! Что я тебе сделал плохого? Ничего! Просто, я не люблю тебя, потому, что я люблю Наташу! Которая, кстати, тебе тоже, ничего плохого не сделала! Это надо же, до такого додуматься, жертвуя собой, опуститься до уровня шлюхи, чтобы испортить жизнь, двум другим людям! Ну, как ты могла? – Прости, Коля! Это, Только Няшин, уговорил меня, он зол на тебя, за тот синяк, он видел, что ты отшиваешь меня, и решил утешить, помочь мне! – А чем вы меня отравили? – Это я, упростила Катьку, она мне сестра, двоюродная, подсыпать тебе снотворного, опять же, по Няшина подсказке! – Ох, этот Няшин, падаль позорная, да его убить мало, ты знаешь, что он увёл у меня жену, а у нас двое пацанов! И теперь, ты ещё, мне удружила! Вот расклею я эти фотографии, по всему заводу, и будет у тебя огромная слава! А мне самому, всё до лампочки, потому, как увольняюсь я, и уеду далеко, далеко! А теперь уходи, видеть тебя не хочу! И она ушла, молча повернувшись и наклонив голову. Катя так же, молча, убежала из номера, вероятно, подслушала наш со Светкой разговор.

Глава девятая. Прощай завод и коллектив, как прошлой жизни негатив!

Что делать мне, целых два выходных дня, одному, я сойду с ума! Я оделся и спустился вниз, к стойке администратора, на стойке стоял служебный телефон, – простите, пожалуйста, я могу воспользоваться вашим телефоном? Администратор, с любопытством, посмотрела на меня, и сказала. – Да, да, конечно! Набрав номер, Наташиного телефона, я услышал, как она, подняла трубку и молчала. – Здравствуй, Наташа! Но, она не стала слушать и отключила телефон. В безутешной тоске, от невозможности, общаться с Наташей, я покинул гостиницу, и пошёл на завод, мало надеясь, хоть кого-то, застать в заводууправлении, всё-таки выходной, но у меня не хватило терпения, ждать до понедельника. На стоянке служебного транспорта стояло несколько автомобилей, и среди них машина директора, я воспрянул духом, а вдруг, чем чёрт не шутит! Поднявшись на второй этаж, я увидел, что дверь в приёмную распахнута, и место секретарши пустовало, и дверь, в кабинет директора, тоже была открыта, из которого доносились голоса, порой на высоких тонах. Наверное, мой поступок выглядел очень наглым, но я уже не мог остановиться, зашёл и встал в дверях кабинета, с простодушной улыбкой. В кабинете, кроме директора, сидели, ещё снабженец завода и начальник моего цеха, как я понял, они не могли найти верного решения, и пребывали в тупиковой ситуации. Уж так получилось, что с директором, Кравцовым Николаем Сергеевичем, в недавнем прошлом, главным инженером завода, я был знаком лично, и не раз встречался с ним ранее, не в служебной обстановке, а если быть точным, на рыбалке, он был простой человек, и никогда, не чурался простых рабочих.

Он, увидел меня первым, и спросил, – вы, что-то хотели, Галитин? – Нет, Николай Сергеевич, просто шёл мимо, у вас не заперто, и слышу, не можете решить вопрос, а у меня есть мнение, если угодно выслушать?! Все трое хихикнули, а начальник цеха, строго сказал, – не хохми, Галитин, и выйди, не мешай! – А, вы, как раз, мне нужны, Никита Иванович, извините, что не вовремя, но ждать нет мочи! Николай Сергеевич сказал, – заходи, Коля, что у тебя? Я прошёл к столу, и сел напротив начальника цеха, подавая ему заявление на увольнение, приготовленное ещё в гостинице. А сам, сказал. – Мне, кажется, что щёбень, не выбранный, полностью, дорожниками, давно списан. А нам, как раз бы, пригодился! Помните, Николай Сергеевич, на песчаной косе, где баржа разгружалась, три года назад, мы с вами, там леща ловили! Он, как мак, расцвёл, и радостно воскликнул, – Коля, ты гений! – Где ты раньше был?! А, я совсем забыл, про те россыпи! А, Никита Иванович, был вовсе не рад, моему заявлению, и, как я понял, не только без отработки, а вообще, отпускать меня не хотел. Он нахмурился и недовольно спросил. – Что, могло, вдруг, случиться? Что ты, вот так, бегом, без полагающейся отработки, готов удрать с завода! А кто, вместо тебя, работать будет? Директор, отдавал приказ снабженцу. – Трофим Егорович, немедленно, отправляйте на косу бульдозер и экскаватор! Завтра они должны расчистить площадку и подъездные пути, и нагрудить бурт! А с понедельника начинайте погрузку и вывоз щебня на завод, дайте заявку, на необходимое количество самосвалов!

Услышав, громкую нотацию начальника цеха, в мой адрес, он спросил, начальственным тоном. – Что там, Никита Иванович? Никита Иванович, сконфуженно, подал ему моё заявление, – да, во-о-т...! Николай Сергеевич, надев очки, быстро пробежал глазами, протянутый ему листок. Потом, глянув на меня, поверх очков, спросил, с сожалением. – Что, нельзя никак иначе? Я развёл руками и произнёс. – Никак! Он, размашисто, наложил резолюцию. – Очень жаль, но надумашь вернуться, приму, с удовольствием! Я поблагодарил его, сворачивая, заявление в трубочку и, попрощавшись, вышел из кабинета. Ну вот, с заводом покончено, как там

сыны мои, родители? После не долгого вызова, трубку взяла Мама. – Коленька, сынок, где ты? Взволованно, говорила она, с дрожью в голосе. – Мы с отцом, ночь не спали! Он сорвался вчера, накричал на тебя, потому, как переживает, а внучат, уманили, увезли к себе вчера, сватья с Антониной, чёрт бы их побрал! Отец уехал утром, ты уж не сердчай, позвони ему! А я одна дома переживаю, сердце изболелось о вас, приезжай скорей! – Не волнуйся, Мама, я жив-здоров, ночевал в гостинице, не переживай, родная, сейчас приеду! У меня сжалось сердце, от жалости к ней, зачем ей всё это!

Едва я вошёл в родную квартиру, она приникла ко мне, со слезами на глазах. – Что случилось у вас, Коленька, ведь так всё было хорошо?! – Не плачь, Мама, дай раздеться, всё тебе я расскажу! Рассказал, конечно, я не всё, но суть дела изложил, вкратце, успокоив её, что всё у нас наладится, со временем! Прозвенел входной звонок, на радость нам, вернулись дети, но было видно, что они расстроены. Мама бросилась раздевать внучат, ласково с ними наговаривая. Сёмка, вежливо, возмутился. – Бабуля, что ты с нами, как с маленькими? Она, ни грамма, не обижаясь, говорила. – Сёмушка, да, вы с Андрюшей, соколики мои, всю жизнь, для меня будете маленькими и самыми любимыми! За обедом, я поведал всем, что уволился с завода и скоро уеду из города, но связи со всеми, терять не буду, поэтому, прошу не волноваться. С отцом разговора не получилось, сначала он молчал, пока, я старался извиниться, а после, сказал мне пару фраз, от которых, у любого бы завяли уши, и раздражённо, бросил трубку. Мама сказала. – Успокойся и не переживай, ты же его знаешь, всё образуется! Я ночевал дома две ночи, наговорился с детьми, старался вселить в них уверенность в завтрашнем дне, и кажется, мне это удалось, в понедельник утром, они прощались со мной, бодрыми и целеустремлёнными. Они пошли в школу, а я поехал на завод. Процедура увольнения, заняла у меня, чуть более часа, и мне оставалось только получить расчёт, который, как мне сказали, будет готов после обеда. И мне ничего не оставалось, как вернуться в гостиницу. Желание поваляться пять минут, обернулось глубоким сном, проснувшись в четвёртом часу пополудни, я подскочил, как ужаленный, и быстро одевшись, помчался на завод. Я успел в тот день всё, уволиться и получить расчёт, попрощаться со своей бригадой, «отблагодарить» Няшина, за «всё хорошее», коронным ударом в переносицу. Только, не успел повидать Наташу, потому, что она перевелась в другой цех, в первую смену.

– Ну, вот, Коля, дела наши подходят к концу! Прервал, мои воспоминания, Геннадий. – После обеда, проведём контроль функционирования, как принято, в армии говорить, а в понедельник, предоставим технику к осмотру! А завтра праздник, гуляем, Коля! – Какой ещё, праздник? – Эх ты, позабыл! Завтра же 23 февраля! Живу я у Генки, с самого первого дня, моего появления, тут в Соборном, по той, простой причине, «несовместимости характеров», у нас с Батей, никак, мировая не брала. Он встретил меня у ворот. – Ну, что дитятко не разумное, явился? Так, я научу тебя уму-разуму, у тебя у самого в городе детки есть, вот, туда и поезжай, там твоё место! Повернулся и, закрыв за собой калитку, ушёл в дом. И я пришёл к Генке, который, встретил меня, с распростёртыми объятиями! С Генкой, в их старом пятистеннике, жил ещё Васька, его младший брат, которому, он был и отцом и матерью. Отец, Гены, умер от старых фронтовых ран, когда он учился в первом классе. Мать, Гены, выходила замуж вторично, но, отчим их бросил, сразу, после рождения Васьки. И больше о нём, ни слуху, ни духу. Тяжёлая им выпала доля, Генка, во всём помогал матери, и по хозяйству, и водился с Васькой. Потом, Гену призвали в армию, судьба забросила его в Афганистан, отличился, был награждён орденом Красной Звезды. Вернулся домой живой, здоровый, женился, всё было хорошо, и вдруг, жена умирает при родах, и ребёнка тоже не спасли. Убитый горем, Геннадий, запил, и в пьяной драке, нанёс сопернику тяжёлые увечья, был осужден на три года. Пока отбывал наказание, заболела и умерла мать, Ваську, определили в детдом. Геннадий, отсидев срок, вернулся в село, разыскал брата и привёз домой. Вот, такая не весёлая история, но братья не унывали, жили дружно и всё у них ладилось.

Глава десятая. Не долгие сборы, забудем раздоры!

В первый же вечер, я предложил ему, поехать на север, на заработки, и он сразу согласился, поскольку, имел большие планы, а на колхозной зарплате, ему было трудно подняться. Но председатель не отпустил, поставив условие, сделать трактору капитальный ремонт. Делать нечего, мне пришлось, чтобы не терять даром время, устроиться в МТМ сварщиком и слесарем, по договору, на время Гениного ремонта. Мы пришли после обеда, первым делом установили на место, заваренный мною, топливный бак, залили в него, слитую, ранее, соляру, и приступили к запуску двигателя. Двигатель, как и следовало ожидать, запустился сразу, наполняя МТМ весёлым грохотом и едкими отработанными газами. Гена кричал из кабины трактора. – Коля, отворяй ворота, сейчас мы сделаем пробежку, на свежем воздухе, опробуем его на всех режимах, по прилегающей территории! Я, задыхаясь от дыма, поспешил исполнить его просьбу, и сам вышел на улицу. Трактор, сверкающий, свежей краской, на солнце, как будь-то, радуясь второму рождению, летал по ограде мастерской. Он, разметал, в разные стороны, сугробы, уверенно, лязгая новыми гусеницами. – Шабаш, Коля, идём домой, наша работа выполнена! Весело, подытожил, Генка, загоняя трактор в МТМ, и глуша двигатель. Путь наш домой пролегал мимо сельмага, и мы не могли его обойти, потому, что это была единственная дорога, связывающая МТМ с домом Простаковых. И, на недвусмысленный намёк, Геннадия. – Коля, ты не против, отметить, наше успешное завершение работы, в честь Дня Советской Армии! Я, охотно, согласился. Гена, уложил, приготовленный продавщицей, товар в авоську, я рассчитался за покупку, и мы вышли из магазина. Завклубом, Серафима, как раз, приклеивала афишу на доску объявлений, и мы, поздоровавшись, остановились. Афиша гласила, что завтра в клубе состоится торжественное собрание, посвящённое, предстоящему, празднику, с последующей демонстрацией фильма, «Брестская крепость».

На улице показался инвалид, в котором, мы, без труда, узнали односельчанина фронтовика. Он, спешил в нашу сторону, высоко подпрыгивая на костылях, на шее у него болталась на ремне, старая, потрёпанная двухрядная гармошка. С которой, он никогда не расставался, и по этой причине, обладал прозвищем, «Митя-гармонист». В 1941, пройдя, ускоренный курс обучения, младший лейтенант Дмитрий Фёдорович Казанчиков, командир взвода истребителей танков, был направлен, в составе маршевой роты, на фронт. Под Москвой, не доехав, несколько километров, до станции прибытия, которая, уже была занята немцами. Их эшелон, попал под бомбёжку, и был атакован танками. Если бы, не точные, быстрые действия взвода Дмитрия Казанчикова, из маршевой роты, необстрелянных новобранцев, мало бы кто уцелел. Взвод бронейщиков, в составе, девяти расчётов, противотанковых ружей, и двух пулемётов, остановил танки, подбив тринадцать. А остальным, пришлось развернуться и отойти, понеся такие потери, в течение получаса. Капитан, командир маршевой роты, сумел, прекратить панику и организовать оборону. А для младшего лейтенанта Казанчикова, этим боем, война началась и закончилась, он потерял ногу, от разрыва танкового снаряда. Поравнявшись с нами, «Митя-гармонист», с одышкой, осипшим голосом, проговорил. – Выручайте, сынки! – Здорово, дядь Мить, – весело, балаболит, Генка, – с праздником тебя! – Что за беда, у тебя? – И вас, ребята, с праздником! – Ты, Генша, тоже хватил лиха в Афгане, выходит братья мы, огнём крещённые! Понимаете ли, не хватает у меня, на неё, на «беленькую», копеек тридцать, всего! Выручайте, милые, а!? А то, Кланька, сейчас сельмаг закроет, и останусь я фронтовик, на сухую, праздновать! Я подал ему рубль, он быстро, скороговоркой, поблагодарил нас, и скрылся в магазине. Сколько судеб искалечила война? Митя-гармонист, награждённый, за тот единственный бой, медалью за отвагу, вернувшись домой, не смог смириться с утратой ноги, и не нашёл себя в мирной жизни, получая пенсию, и скудные подаяния, за игру на гармошке, потихоньку спивался.

В этом году, 23 февраля, пришлось на воскресенье, и народ с всего села, и семьями, и поодиночке, с весёлым настроением, валил в клуб, и мы с Геней и Васькой решили не отставать от сельчан. В фойе клуба, в честь праздника, был обустроен буфет, где на радость ребятам, с большим успехом, продавались разные сладости и дефицитные в селе мороженое и газированные напитки «ситро» и «дюшес». А взрослые, «любители напитков», были в восторге от свежего, разливного пива, которое, здесь тоже, считалось «деликатесом». Так, как завозилось в село редко, только по «великим праздникам». По фойе разливалась музыка гармонии, неизменный солист-любитель, Митя-гармонист, не упускал возможность случайного заработка. Сидя, в углу, на табурете, будучи, уже изрядно, «навеселе». Он, растягивая, меха своей двухрядки, жалостно, пел не знакомую мне песню.

А я убит был на войне, в той чужедальной стороне,

Давным-давно умолкли пушки!

Придите вы друзья, подружки,

Придите в дом к моей родне!

В помин души, наполнив кружки,

Поплачьте в память обо мне!

Я увидел Отца, он стоял у стены, за бильярдным столом, и наблюдал, как играют парни, катая киями шары и забивая их в лузы. Мои надежды оказались не напрасными, я очень хотел его увидеть. И подойдя к нему с боку, тихо сказал. – Здравствуй, Батя! С праздником тебя! Он, долго, смотрел на меня, молча. И возможно, сказал бы, что-то другое, но подошёл Гена. – Дядь, Вить, здравствуй! С праздником тебя! И он ответил. – Спасибо, и вас, взаимно! Потом спросил. – Как жизнь, не тяжёл ли хлеб колхозный? Он, переводя, взгляд на меня, поинтересовался, с ироничной ухмылкой. – Ты от нас, до коих пор, прятаться, намерен, в город вернуться, не думаешь? – Ну, что ты, Батя, разве прячусь я, у сыновей два раза был, в прошлые выходные. И, к тебе, не прочь, прийти, но ты на меня сердит, и гонишь, вон! – Сердит, гонишь, – проворчал он, обиженно. – Выпорол тебя бы ремнём, да нельзя, потому, как давно ремень ты перерос, и мать, опять же, за тебя заступается, звонит каждый день! Приходи, разговор есть, а сейчас вон, приглашают всех в зал, стало быть, жду вечером!

Три дня пролетели в подготовке и сборах, и вот, мечта наша начала осуществляться. Под стук колёс, набирающего обороты, вечернего поезда на Сургут. Нам с Геней достались верхние полки, а нижние были заняты, пожилым, неразговорчивым, строгим мужчиной и красивой, приветливой девушкой, как я понял, отцом и дочерью. Забравшись на полку, Гена, сразу уснул, а я, лежал и думал, о своих самых родных и близких мне людях. Которых, оставил в родном городе, об отце, с которым, мы, наконец, помирились. Я пришёл к нему тогда, и рассказал, всё без утайки, о подлом обмане, разлучившим, нас с Наташей, и о намерении ехать на север. Он не одобрил моих стремлений, но и удерживать не стал. Наташу я видел, в один из приездов в город, когда она входила в свой подъезд, под ручку, с незнакомым мне молодым мужчиной. Это больно отозвалось в моём сердце, и я прекратил попытки, наладить с ней отношения. Поезд мчался в ночи, я, незаметно для себя, погрузился в сон.

Глава одиннадцатая. На Границе тучи ходят хмуро...

Пробуждение было необычным, тем, что будил меня, Витя Сазонов, тряся рукой за плечо. – Коля, подъём, подъезжаем, через полчаса наша станция! Ну, и спать ты, горазд! Я сразу сообразил, где я нахожусь, но, это меня не радовало. Потому, что смена сюжетов, происходящая неожиданно, не считаясь, с моими желаниями, обязывала жить по их законам, и быть, предельно, собранным. – А вот, и чай, весело, балаболит, лейтенант Сазонов, врываясь в купе, с двумя парившими стаканами, в подстаканниках, погреем брюхо Коля! Пока в часть доберёмся, на ужин, точно, опоздаем!

Поезд стоял ровно две минуты, спрыгнув с подножки вагона, мы бодро шагали к станционному зданию, этой маленькой станции, размахивая, в такт шагам, одинаковыми чемоданами. Нас, оказывается, ждали, моложавый старшина-сверхсрочник, интендант, козырнул, и сказал. – Товарищи, командиры, прошу следовать за мной! Он развернулся, на каблуках, быстро пошёл к полуторке, стоявшей, вдалеке, у конца платформы. Шофёр, молоденький солдат, скучая, сидел за баранкой, а возле машины курили, такие же, как мы, новоиспечённые лейтенанты. В количестве пяти человек, двое из них были танкисты, ещё двое артиллеристы, и один пехотинец. Полуторка была загружена наполовину, старшина, виновато, изрёк. – Не обессудьте, за неудобство, мне, приказано было встретить пополнение! Прошу, рассаживаться в кузове, на ящиках, тут недалеко, десять вёрст, всего, приедем быстро! И, как старший машины, уселся в кабину. И мы, не обременённые ещё, начальственной спесью, разместились в кузове, вполне довольные, попутной «оказией».

Наш мехкорпус находился в лесу, на месте бывшего леспромхоза, и был в стадии формирования, дивизии были укомплектованы не полностью, безнадёжно, отставая от графика, что нас всех сильно удручало. Я был назначен, зампотехом противотанкового артдивизиона, и мне хотелось плакать, от досады, так как все орудия были на конной тяге, за исключением, одной тяжёлой батареи, буксируемой, старыми, гусеничными тягачами. Ну, почему мне так не везёт? Технарь, называется, кобылам хвосты крутить! В подчинении у меня, оказалось, три человека, сержант-техник и два бойца-слесаря, которые, занимались, чем придётся. В основном, «скотными» делами, и моё унылое будущее, меня ничем не прельщало. А Витя Сазонов, получил назначение, зампотехом танковой роты, и был рад, не смотря на то, что в роте были одни старые «ремки», Т-26. И, я бы на его месте радовался, не меньше, но не судьба! Будем лелеять надежды, о скором прибытии, обещанной, новой техники.

Жили мы по военному, в огромном палаточном лагере, строительство казарм и прочих объектов, по какой-то причине, было остановлено, на уровне возведённых фундаментов. Семейная часть комсостава заняла пустовавшие домики посёлка, а холостые офицеры довольствовались палаткой. В одной палатке со мной определился на жительство, тот самый, ехавший снами со станции «пехотный лейтенант», оказавшийся младшим политруком, и в данный момент, занимающий должность, политрука рембата. С первой минуты нашего знакомства, этот «партийный бог», мне не пришёлся по душе, он представился, политрук Тупилин, мне, ничего не оставалось, как ответить, техник-лейтенант Галитин. Слащавым, вежливым голоском, он старался склонить меня к «душевному» разговору. И, в тоже время, неприкрыто, выпячивал, свою «политическую значимость». Стремился, внушить мне, своё превосходство. – Ну, как вы устроились, товарищ лейтенант? Как вам служба? С обязанностями справляетесь, не нужна ли помощь? Мне, очень хотелось надерзить, этому, сопливому, выскочке. Но, помня поговорку, не буди лихо, пока оно тихо, сдержался, и спокойно, сказал. – Полный порядок, товарищ политрук, служба как служба, ведь мы офицеры, и это наша профессия! Сейчас у меня было свободное время, и я решил прогуляться, оставляя, политрука в палатке, одного. Оглядывая территорию, я оценивал ситуацию, со «своей колокольни», из корпуса, в обеих дивизиях,

боеспособны были только два моторизованных полка. Они были оснащены автомобилями и мотоциклами, усилены бронедивизионами. А вот, два танковых полка, укомплектованы техникой, едва на треть, и два арtpолка, не в лучшем положении! Мне же придётся воевать! Надо, срочно, готовиться, до начала войны оставалось два года, я не мог быть беспечным, потому, что точно знал эту, зловещую, дату! Из старого ангара, доставшегося рембату от лесхоза, доносился стук молотов и молотков, вторая смена ремонтировала технику. Подойдя поближе, я увидел вокруг ангара, горы, брошенной техники, которую не смогли восстановить, и она ржавела под открытым небом. Десятки танков, пушек, автомобилей! Что это? Саботаж? Попустительство? Я вошёл в ангар, грохот, чад и смрад, в полутёмном помещении, повергли меня в уныние, работа при факелах, с допотопными технологиями! Где электричество? Ковка, рубка, клёпка! Где сварка и резка?

Я вернулся в палатку, уже в полной темноте, «комиссар» храпел, укрывшись одеялом, стараясь не разбудить его, тихо лёг на свою кровать, и, радуясь, своему открытию, строил планы на завтра. В ангаре, была коморка, под замком, всеми забытая, но так необходимая, в ней я обнаружил сварочный аппарат и ящики с электродами. А также, автоген, кислородные баллоны и бочонки с карбидом, так, бесхозяйственно, кем-то брошенные. Ещё один сварочный аппарат, которым, никогда не пользовались, он был в заводской упаковке, я обнаружил в зарослях бурьяна, на брошенной пилораме. Кстати, кабель от пилорамы привёл меня в дизельную электростанцию, которая, находилась в ста метрах от ангара, в помещении земляночного типа, три исправных агрегата, это же цивилизация! Давняя привычка меня не подводила и здесь, я проснулся в шесть утра, как обычно, быстро встал и одев галифе и обувшись вышел из палатки. Горнисты трубили подъём, в палаточном городке, шло, оживлённое, построение на физзарядку, не видел я, только своих подопечных, с сержантом во главе. Они почивали, в палатке, стоявшей, отдельно, поодаль от городка. Строгие старшины артдивизиона и ремонтного батальона, почему-то, не беспокоили по утрам, своих «прикомандированных» и «откомандированных». Видимо, некому было, навести порядок. Войдя в их палатку, я громко крикнул. – Подъём, строиться на физзарядку!

Сержант Липягин, недовольный с просонок, хотел запустить в меня сапогом, но увидев рассерженного командира, сконфуженно, подскочил и начал быстро одеваться. Бойцы уже застёгивали пуговицы, трясушимися пальцами, и поправляли складки под ремнями. – В чём дело, сержант!? Говорил я, напустив строгость в голос. – Чтобы это было в последний раз, распорядок дня нарушать не позволю, форма одежды «голый торс», командуйте сержант! После завтрака, жду вас у брошенной дизельной! Комбат, ремонтного батальона, старший техник-лейтенант Матюшкин, был пожилой, полноватый мужчина. Форма, на нём сидела, как на корове седло, и сам облик его, и манера говорить, были тоже, не уставными, но дело своё он знал. Правда, был консервативен, и прогрессу, никак не поддавался, опасаясь, всякой инициативы. – Чего тебе, – говорил он, торопливо, – не видишь, некогда мне! Я ожидал всего, заходя к нему в «кабинет», если, только можно, так назвать, захламлённую конуру, но такого отношения, никак не ожидал. Он, больше смахивал, на нерадивого дворника, и разговаривать с ним, было не возможно, на все вопросы, я получал «анекдотичные», отрицательные ответы. И, понял только одно, нужно обратиться к высшему руководству, как изволил выразиться, горе-комбат. – Куда, к кому обратиться? Я не стал долго думать, и решил идти на приём к самому комкору, генерал-майору Бердникову.

Штаб корпуса, располагался в поселковом клубе, и я, направил стопы свои к оному, надеясь, на благополучный исход, своих намерений. Комкор, оба комдива и комиссар жили в городе, до Бреста отсюда было двадцать вёрст, но у них были служебные автомобили, и они могли себе это позволить. Генеральской эмки, ещё не было около штаба, а остальные три, поблёскивая чёрной краской, стояли, выстроившись в ряд. Поприветствовав дежурного, я поднялся на второй этаж, в приоткрытую, дверь приёмной, было видно, как комдивы беседо-

вали, сидя в креслах, коротая время ожидания, нужно перехватить комкора, до приёмной, ох не хочется, чтобы меня «отфутболили». До меня донёсся снизу, чёткий доклад дежурного по штабу, и я сделал «стойку», готовясь к встрече. Генерал, попросил дежурного, пригласить к нему на совещание комиссара и комдивов, и стал подниматься на второй этаж. Чекая шаг, я двинулся навстречу, и отдавая честь, представился. – Техник-лейтенант Галитин, товарищ генерал, разрешите доложить, очень важное сообщение, не терпящее отлагательств! А, позади комкора, уже поднимался дивизионный комиссар, седой и строгий старик, с лукавинкой в глазах. – А нельзя ли, и нам послушать, уж дюже любопытно!? Комкор, моложавый генерал, с отменной выправкой, усмехнувшись, спросил. – Вы не против, лейтенант? Комдивы, полковники Мещеряков и Дыменко, встали, увидев комкора, и комиссара Лагутина. Генерал, оглянувшись, спросил, весело улыбаясь. – А комдивам, разрешим присутствовать? Я утвердительно кивнул, и все вошли в кабинет. Все расселись за столом, а я стоял посреди кабинета, и молчал, с такой серьёзностью на лице, что все, это, вдруг, заметили. Генерал, посерьёзnel, тоже, и сказал. – Слушаем тебя, даю пять минут!

Я сказал, постараюсь уложиться, и продолжил с дрожью в голосе, таким тоном, что у самого, волосы «встали дыбом». – Товарищи командиры, через два года начнётся война, тяжёлая, кровопролитная война с Германией, и мы не можем, не имеем права, празднично, проводить, и бездарно, напрасно терять оставшееся время! В корпусе «бардак», простите за выражение, только два моторизованных полка, можно признать боеспособными, и то с натяжкой! Про танковые и артолки, говорить не буду, знаете сами! Хочу сказать, о бесхозяйственности! По счастливой случайности, нам достались, от бывших хозяев, производственные помещения, оборудование, станки, и дизельная электростанция! Но, из-за, преступного, попустительства, всё это бездействует, и продолжает быть брошенным! Неужели, в корпусе нет специалистов, чтобы всё это восстановить, ведь это нужно, «кровь из носу»! Возле ремонтного ангара, ржавеют, без пользы, десятки, брошенных единиц, боевой техники, которую есть возможность восстановить! Не знаю, по какой причине, не строятся казармы, ведь, зима не за горами! Нет строителей, значит, строим сами, половина бойцов выходцы из деревень, они имеют навыки работать пилой и топором, и им приходилось строить жильё! Строительных материалов уйма, ведь лес кругом! Товарищи командиры, нельзя, беспечно, ждать, пока нам что-то дадут! Нужно готовиться, действовать, ведь, мы защитники отечества! И в конце, хочу попросить, направить меня на восстановление дизельной и реммастерской, я не желаю быть замполтехом, в «кобыльном» дивизионе, государство меня учило, тратило средства, чтобы я приносил пользу! У меня всё!

Уложился я, за четыре с половиной минуты, о чём свидетельствовали, настенные часы, за спиной генерала. «Высшее командование», полминуты молчало, переглядываясь, крепко «ошарашенное» моими «нотациями». Тем самым, исчерпав, выделенный мне лимит. – Ну, лейтенант! Снова, улыбаясь, произнёс генерал. – Хотя и, «клеймил» ты нас, не по уставу, с грубейшим нарушением субординации! Тебя прощает прямота и честность, изложенных тобой фактов! Признаться честно, спина моя вспотела, как у первоклашки, получившего двойку, сейчас, я бы тебя направил комиссаром, в любой батальон! И, посмотрев, на комиссара Лагутина, спросил его. – Взял бы!? Лагутин, серьёзно ответил. – Непременно! – Извини, не могу, как «технар», он нам дороже!

Генерал посмотрел на меня, и в глазах его отразилась вся тяжесть непомерного груза, взваленного на него, и мера полной ответственности за всё. Цена ответственности была жизнь, я видел, он мне доверял, в благодарность ему, подвести его, я не имел права. – Что нужно тебе, лейтенант? Когда намерен начинать? – Что мне сейчас нужно, я уже получил! Начинать буду немедленно, мои подчинённые, уже ждут меня там, всё остальное изложу в рапорте, в процессе работы! Разрешите идти, товарищ генерал? На душе моей снова было легко и спокойно, я был

уверен, что всё у меня получится, я спешил, к своей невеликой «бригаде», которая, ещё ни сном, ни духом, не ведала, о том размахе, «дел и свершений», что должна была сотворить!

Они, предстали передо мной в самом неприглядном виде, все трое курили махорку, и «резались» в карты, стоя на коленках, вокруг огромного старого пня. Единственная, уцелевшая стена пилорамы, скрывала их от посторонних глаз. Меня они не видели, и вероятно, хотели, чтобы и я их не видел, как можно дольше, до конца службы, например, но запах табачного дыма, и звуки шлёпанья карт, привели меня точно к цели. Приблизившись, бесшумно, на расстояние двух шагов. Я снова, неожиданно, поверг их в трепет, не громкой, но жёсткой командой, «встать!» – Позор, и это бойцы Красной Армии, курение в неполюженном месте, игра в азартные игры, и притом, в неурочное время, что за это полагается? Они стояли, потупив взоры, как пить дать, опасались строгого взыскания, чего я вовсе не хотел, зачем мне портить настроение бойцам, перед ответственной работой, ограничусь воспитательной беседой. – Сержант Липягин? Он не выдержал паузы, и вяло ответил. – Я-я! – Вам надоели треугольники, в петлицах? – Никак нет! Сказал он тихо. – Так, будьте же, примерным командиром, для своих бойцов, чтобы я вас более не отчитывал, при подчинённых! Позор, два нарушения за день, впредь, буду наказывать нещадно, постройте бойцов! Нравоучения на этом закончились, и я поставил этим простым, и совсем не плохим ребятам, которым, придётся ломать хребет, зарвавшимся, фашизму, простую, повседневную задачу, но от которой, сейчас зависит многое!

Рядовой Кунгурцев, боец третьего года службы, был электриком широкого профиля, в прямом смысле этого слова, до призыва в армию, закончил, электротехническое училище. И, приобрёл богатый опыт, работая в народном хозяйстве, и для него, не составило большого труда, проверить и главное запустить в работу, всю имеющуюся у нас «электрику». Сержант Липягин, заканчивал четвёртый год службы, и осенью, должен был уволиться в запас. Он, в совершенстве, разбирался в трансмиссиях и ходовых, всех типов отечественных машин, а также, был классным мотористом. Проверить и запустить, все три дизеля, было для него делом одного часа. Рядовой Савушкин, прослужил год, тяжело переживая разлуку, с женой и маленьким сыном. Но армия хорошая школа, как бы то ни было, овладел профессией паяльщик, а на «гражданке», был токарем. Увидев в ангаре токарный станок, весь в пыли и заваленный всяким хламом, он, молча, пошёл, вынес, всё не нужное, на улицу, смёл со станка пыль, включил его и станок заработал! Я тоже, зря время не терял, опробовал сварочный аппарат, конечно, его не сравнить, с нашим современным, но работал он прекрасно.

Услышав, шум моторов, и увидев, непонятные им, сполохи, сварочной дуги, из «кабинета» появились комбат Матюшкин и политрук Тупилин. Первый, с боязливой неуверенностью, а второй, с заносчивой оскорблённостью. – Что это вы делаете, скажите-ка, что случилось-то? Привычной скороговоркой, вопрошал Матюшкин, а Тупилин-же, начальственным тоном, сразу, решил поставить нас на место. – По какому праву, лейтенант, вы вторгаетесь на не подвластную вам территорию, и срываете важный, производственный процесс? Было видно, что, политрук Тупилин, уже успел, «подмять» комбата Матюшкина, под себя, и упивался полной властью, над рембатом. Я негодовал от злости, хотелось, тут при всех, осадить его, и открыть людям его истинное лицо, но снова сдержался. Проигнорировав его, как пустое место, обращаясь к Матюшкину, ответил. – А случилось, то, комбат, что должно было случиться. С момента, вашего первого появления здесь, в ангаре, восстановление, утраченных, возможностей! Видя, яростный взгляд, Тупилина, я громко произнёс. – Да, мы запустили дизельную электростанцию, по приказу, генерала Бердникова, и сейчас ваш труд намного облегчится, и будет в десять раз плодотворней! Услышав, имя генерала, Тупилин, сразу сник, и потихоньку удалился. Я сказал комбату. – Мне, нужно осмотреть, что тут у вас ещё имеется в наличии, из оборудования и материалов, чтобы составить отчёт и подать рапорт, в штаб корпуса!

Это был счастливый день в нашей жизни, после обеда, мы пробовали запуск пилорамы, и едва двигатель раскрутил маховик станка, сотрясая воздух, ритмичным уханьем, прыгающей рамы, из остановившейся, рядом эмки, вышел, улыбающийся, генерал Бердников. – Вот, это я понимаю! Говорил он, радостно, глядя на работающую пилораму. – Молодцы, ребята! Движением руки, пресёк мою попытку доклада. – Ведь, это значит, у нас теперь начнётся совсем другая жизнь! Объявляю всем вам благодарность, тебе, особо, лейтенант! Отведя меня в сторонку, спросил. – Чтобы всё это работало, как часы, одной твоей команды, будет не достаточно? – Так точно, товарищ генерал, нужны специалисты, моя команда, это ремонтники, хотя, если нужно, сейчас пустить токарный станок, Савушкин токарь, а я сварщик и резчик! А, вообще, моя мечта, товарищ генерал, поставить артиллерию на гусеницы, сделать проходимой и мобильной, не зависимой, от постороннего буксировщика! – Так, интересно, и уже есть намётки и эскизы, в голове? – Так точно, имеется! – Это же здорово, лейтенант, я тоже об этом много думал, если можешь, нарисуй на досуге, обсудим обязательно! А сейчас, составь список необходимых специалистов, и передай, начтылу корпуса, что у тебя по материалам? Действуй, также, через службу тыла, я их предупредил, будь здоров лейтенант! Я смотрел вслед, удаляющейся эмки, и думал, побольше бы таких генералов.

На исходе рабочего дня, у нас был ещё один посетитель, не кто иной, как дивизионный комиссар Лагутин. Я сидел, на том самом пне, что был столом для моих «картёжников», и составлял список нужных нам «спецов». Он получался, довольно, внушительный, хорошо бы, хоть половина людей, так нужных нам сейчас, сыскалась здесь в корпусе. Он появился неожиданно, и тихо сказал. – Сиди, сиди, и бойцов не тревожь, всё вижу, хвалю! Присаживаясь, рядом со мной, на пенёк, поинтересовался. – А, про войну с Германией, ты, это серьёзно, сынок? Или какая сорока на хвосте весть принесла? – Нет, это не сплетни, товарищ комиссар, и не секретные данные разведки, это мои личные предчувствия, видения будущего! Врал я, бес зазрения совести, поскольку, раскрываться не хотел, даже перед хорошим комиссаром. – Они у меня, очень, редко бывают, а случаясь, не обманывали ни разу! – Дай бог, мне такие видения, чтобы знать, где «соломки подстелить»! Задумчиво, проговорил Лагутин, я не мог сдержаться усмешки, он заметил, и, спохватившись, поправился. – Ты прав, не к лицу, так, мне выражаться, но, это же поговорка такая, я старый человек и крещёный, а в бога не верую! Ты про это, лейтенант, больше никому не говори, есть у меня опасения, не ровен час, «сожрут» тебя скоро! Вот, комкор наш, здесь только месяц, а я, его уже дважды от «особистов» вытаскивал! Ну, какой он, враг народа? Когда, я его, с гражданской, знаю! Герой, молодым пареньком, полком командовал, орден красного знамени, за ту войну, у него первый, а дальше Халхин-Гол, Испания! Будь осторожен, сынок, тяжёлая у нас в корпусе, – проговорил он, с нажимом, – «политическая» обстановка! Дал понять, одним словом, всё, и ушёл, попрощавшись за руку.

Я, всё время помнил про Асю, но не мог выбрать время, чтобы написать письмо, а сегодня, стараниями рядового Кунгурцева, в бытовой палатке офицеров, горел свет, яркий свет «лампочки Ильича»! Я взял полевую сумку и пошёл, на этот, манящий, светлый островок. Там, как говорится, негде было яблоку упасть, но я упросил, лейтенанта танкиста, немного потесниться, и примостившись, на угол стола, написал письмо. В село, со смешным названием, Веселиха, на имя, тётки Виолетты, не подозревая, что очень скоро, оно сослужит мне роковую роль. Мне не хотелось уходить отсюда, и, чтобы не занимать напрасно место, я, вспомнив о просьбе комкора, принялся за дело. Рисовать я любил с детства, и сейчас меняя листы ватмана, один за другим, я рисовал самоходки, вспоминал их из журнала, «моделист-конструктор», и копировал из памяти, за полчаса, десяток разных моделей, пора остановиться. На выходе из палатки, нос к носу, столкнулся с Витей Сазоновым, он был весел, как всегда, и очень обрадовался нашей встрече.

– Здравствуй Коля! Кажется, вечность тебя не видел! Как ты? Всё, свой гужевой транспорт, ремонтируешь? Я шутя, толкнул его кулаком в грудь, – дам по роже, Витяй! И мы обня-

лись, мелочи, а приятно, встретить друга среди тысяч, практически, не знакомых людей! Мы пошли в «курилку» и сели на скамейку, под «грибок», я рассказал ему, о моём, нахальном собеседовании, в штабе корпуса. О «вытребованном» себе, достойном занятии, и о своей мечте, у которой есть возможность осуществиться. – «Молоток»! Хлопнул он меня рукой по плечу! – Слушай, возьми меня в свою бригаду, очень хочу конструировать, это же интересно! – Друг, пока ничего обещать не могу! – Так, ты не забывай, при случае, замолви словечко! – А ты как, Витя? Наверное, не успеваешь «мазуту» отмывать, после своих «ремков?» Он улыбнулся, и сразу посерьёзнев, задумчиво сказал. – Понимаешь, Коля, завелась у нас, какая-то сволочь, вредительством занимается, сегодня снова, два т-26 в карьер утащили, заклинили двигатели, песок в картере! – И какие меры были приняты, Витя? – Да, все меры были приняты, и всё равно умудряется, сука! Мы проговорили целый час, и расстались, когда в лагере протрубили отбой, договорившись встречаться, и где найти друг друга, по необходимости.

Политрука Тупилина в палатке не оказалось, о чём, я нисколько не сожалел, чувство неприязни к нему, было так велико, что лишний раз не видеться с ним, считалось за благо. Утром, я его также не обнаружил на кровати, странно, а может, он надумал съехать от меня, мелькнула в голове приятная мысль. Но мечты мои остались мечтами, не успел я вышагнуть за порог, как увидел его, улыбающегося, спешащего, видимо, на покой. – А, лейтенант! Не спешите, ваша служба подождёт вас, с вами очень хочет встретиться и познакомиться поближе, комиссар нашей дивизии, Поламарчук! И комдив, Дыменко, не прочь, видеть вас на построениях, в рядах своей дивизии, ведь, приказа о вашем переводе не было, и нет! – Да, «партия» с вами, товарищ младший политрук, в отличие от вас, я на построениях присутствую ежедневно, и сейчас спешу на оное. А спешил я, на самом деле, в штаб, чтобы успеть, бросить письмо в почтовый ящик, до выемки корреспонденции. Комкор, выходя из штаба, увидел меня и окликнул, разговор у нас получился короткий, на ходу, он очень спешил, но рисунки мои принял, и, садясь в машину, обрадовал. – Зайди в строевую часть, лейтенант, распишись в приказе, о твоём переводе и назначении, командиром отдельной ремонтной группы, в составе рембата!

После построения, группа моя, временно, распалась. Липягин был привязан к дизельной, так как, пока, его там некем было подменить, у Кунгурцева, было дел, выше крыши, по всему гарнизону, а Савушкин, как единственный токарь, бес перерыва, точил болты и гайки, поскольку, они были в большом дефиците. Мне же, непременно, нужно было побывать, в этом, треклятом, карьере. Где, по рассказу Вити Сазонова, образовалась большая свалка, брошенной техники, сотни боевых машин нашего корпуса. Мне не верилось, что все они безнадежно потеряны, и их нельзя восстановить. Неожиданно, появившийся посыльный, передал мне приказание, немедленно явиться к комдиву, полковнику Дыменко. Я, вынужден был, поспешить на вызов, соображая, что бы это значило!?

В командирской палатке, полевого штаба дивизии, кроме, нервно, расхаживающего, полковника Дыменко, присутствовали, комиссар дивизии Поламарчук, и командиры полков, майоры Сушилилин, Брянцев и Пересвятенко. Комдив, буравя меня, сердитыми глазами, оборвал мой доклад о прибытии, на полуслове. – Лейтенант Галитин, по какому праву, вы оставили строй вашего дивизиона, извольте объяснить! – Товарищ полковник, я полагал, вы в курсе, приказ о переводе подписан вчерашним числом! Он, растерянно, посмотрел на комиссара, и снова, раздражённо, обратился ко мне. – Какого приказа, почему не доложили? – Приказ спускается сверху, товарищ полковник, и это вы, обязаны были уведомить меня, о переводе и новом назначении, а не наоборот! Я назначен, командиром, отдельной, ремгруппы, в составе рембата! Полковой комиссар, Поламарчук, готов съесть был, меня глазами, и едва сдерживал себя, чтобы не скрежетать зубами, но сказал, на удивление, спокойным, елеинным голоском. – Однако, вы очень резвы, лейтенант! Нельзя, так, бесцеремонно, нарушать субординацию, вы у нас служите, едва неделю! А уже скачете через головы, вышестоящих командиров,

не вежливо, пора умерить, молодой горячий нрав, ведь, можно шею сломать! Я понял, намёк, на явную угрозу, и тихо, виновато, произнёс. Прошу, простить меня, товарищи командиры, впредь, более не повторится, но разве я нанёс большой ущерб?!

В этот момент, в палатку, как будь-то, её задуло лёгким ветерком, грациозно, вошла красивая, молодая дама. На секунду, остановила на мне, изучающий взгляд, и защебетала, обращаясь к комиссару. – Митенька, я уезжаю в город! Не теряй меня, мой милый! Братик мой, Герасим, здесь проездом, упросил поехать с ним. И правильно! Столько, дел накопилось, парикмахерская, магазины, подругу, сто лет, не видала! Сегодня не жди, заночую у братца! – А завтра, Панас Федотович, – обратилась она к комдиву, – не окажете мне любезность, место, в вашем авто!?! – Маша, как можно, с укором, говорил Поламарчук, ведь, был приказ, гражданских не брать, в виду.... Комдив, махнул мне рукой, – свободен, лейтенант, занимайтесь своим делом! Выйдя из палатки, я увидел напротив, «полуторку», в кабине которой, сидел хмурый, рыжий шофёр, с интендантскими эмблемами в петлицах. А в десяти метрах, в стороне от палатки, высокий, белобрысый капитан, взволнованно, шептал младшему сержанту-танкисту. – Арбайтен, Вальтер, арбайтен! Я не мог ослышаться, он говорил по немецки, улица было пустынна, они не ждали, что их кто-то услышит.

Увидев меня, капитан, поторопил танкиста, беги скорей, Панарин, и передай привет Феде, и пошёл в мою сторону. Я сделал вид, удручённого заботами офицера, и только, поравнявшись, с ним, как бы, очнувшись, отдал ему честь. Я видел его холёное лицо, с надменными глазами, и мне казалось, что вот, сейчас он вытянется и, выбросив вперёд руку, крикнет «хайль Гитлер»! Но он прошёл, молча, небрежно козырнув, и скрылся за штабной палаткой. Я тоже, быстро и осторожно, вернулся и спрятался за палаткой, мне были слышны обрывки разговора, через палатку, как, Маша сказала, – не скучай, милый! Я придвинулся ближе к выходу, и услышал шёпот её, – найн, Герхард, найн!

Я был ошеломлён, случайным открытием, немцы здесь, у нас под носом, не иначе, как шпионы и диверсанты! Стук захлопнувшейся дверцы и удаляющийся гул, отъезжающей машины, вернули меня в себя. Что-то нужно делать! Что можно предпринять? Войти в палатку и доложить, по команде, как требует устав!?! Меня поднимут на смех, и выставят вон, ведь, Маша, жена комиссара, а Герхард-Герасим его шурин. Доложить в особый отдел, у меня нет доказательств, и я, в последнее время, мало верил, этим последователям, Железного Феликса! Меня, вдруг, осенило! Кто этот, убежавший танкист, Панарин? И Федя, которому, он должен передать привет? Уж не исполнители ли они, не их ли рук дело, вывода из строя боевой техники? Нужно срочно найти Витю Сазонова, и через него узнать, кто эти люди!?

Техника-лейтенанта Сазонова, я нашёл в «техпарке». Так называлась территория, занимаемая, всей, имеющейся в корпусе, техникой. С только, что, возведённой, вокруг неё изгородью, из колючей проволоки, чем, собственно говоря, и занимался Витя Сазонов. Увидев меня, он демонстративно, с чувством выполненного долга, похлопал ладонью о ладонь, и, оглянувшись на творение, руководимой им бригады, скомандовал. – Младший сержант Панарин, ведите группу в расположение части! Здороваясь со мной, спросил. – Никак соскучился, Коля, или, может, у тебя дело? Я, тоже улыбаясь, как и он, отвёл его за локоть, подальше, от строившихся бойцов, и сказал, серьёзно. – Дело, Витя, дело! Выслушав меня, Виктор помрачнел, и проникся тревогой. Он, ещё, мало знал бойцов, и не мог охарактеризовать их, но знал точно, что в его роте нет, ни одного Фёдора, о Панарине, ничего плохого сказать не мог, кроме того, что он замкнут, неразговорчив. Ни с кем не дружит, изредка, встречается с прибалтом Янисом, из другой роты. Подумав, решили, не привлекая внимания, понаблюдать за Панариным и Янисом, а также, за Герасимом и женой комиссара Машей, а уже после, судя по обстоятельствам, доложить обо всём дивизионному комиссару Лагутину.

Но обстоятельства сложились так, что, ни завтра, ни в последующие дни, я не мог отлучиться и на миг, из-за большого объёма работы. Старший лейтенант Ковалёв, назначенный

командиром ремонтного батальона, вместо, уволенного в запас Матюшкина, передал мне приказание, «спущенное сверху», срочным порядком, поставить рембат на колёса, и притом, дважды. В боевых условиях, в обеих дивизиях, должен быть свой рембат. Что же, очень правильное решение, думал я, второй рембат нужен обязательно, и они должны быть мобильны. Политрук Тупилин, оказавшийся здесь, по старой привычке, предпринял попытку «политического управления». С чего думаете начинать, товарищ лейтенант, может помощь требуется? Новый комбат, пресёк это сразу. – А вы, что тут делаете, товарищ политрук? Вам нечем заняться? В виду, малого опыта и знаний, в технических вопросах вы не компетентны, поэтому, впредь, в производственный процесс вторгаться не смейте! Займитесь своим прямым делом, по плану и графикам боевой учёбы! Я вас более не задерживаю! И нашего политрука, «как корова языком слизнула», ведь, «крыть», ему было нечем. Комбат посмотрел на меня, и спросил. – Сколько тебе нужно человек? Я знал, что в рембате появились специалисты, и выпросил сварщика и двух слесарей.

И началась моя конструкторская жизнь, три дня мы резали, кроили, варили, благо было из чего, в итоге, мы собрали двенадцать прицепов, на которые, хоть сейчас, устанавливай агрегаты и оборудование, и переключились на восстановление техники. Комбат Ковалёв был не промах, в первый же день поставил дело на лад, и раскрутил на всю катушку, за три дня, работая, как обычно, в две смены, рембат отремонтировал и поставил в строй, шесть танков и шесть артиллерийских тягачей. Мне же, для осуществления своей мечты, приходилось выбирать технику, настолько разбитую и разграбленную, которая, не поддавалась прямому ремонту, и её нужно было резать и кромсать, выкраивая и сваривая листы металла, согласно эскизу самоходки. Сорока пяти миллиметровое орудие нашлось тут же, брошенное без лафета и замка, и нам пришлось, как раз, кстати. Сержант Липягин, за два дня перебрал двигатель и трансмиссию. Мы смотрели, с восторгом, на своё детище, и нам хотелось скорее его опробовать, испытать в деле. И такое испытание было проведено, на следующий день, по приказу генерала Бердникова, по всем правилам, на предельных скоростях, по пересечённой местности, и с боевыми стрельбами по мишеням, только без нашего участия. Комкор, был доволен нашей первой самоходкой, и дал приказ наращивать производство. Через три дня, мы «соорудили» ещё одну самоходную артустановку, только более мощную, на другом шасси, и с семидесяти шести миллиметровой пушкой. И сейчас, я сидел в палатке, и чертил чертежи этих самоходок, потому, что рембату поступил приказ, подключаться к их производству.

В палатку вошёл Виктор, вид его был усталый, он, поздоровавшись, молвил. – Сейчас бы поспать, хоть часок! Я предложил ему свою кровать, но он отказался, сказав, – некогда, дел выше крыши! Он поведал мне, о своих ночных дежурствах, и ушёл. А, я снова, тревожно, думал, что предпринять, наши подозрения подтверждались, но опять бездоказательно. Янис уходил в самоволку, вернувшись под утро, был пойман дежурным офицером, сказал, что ночь провёл на станции, с любимой девушкой, и был отправлен на «губу». Панарин, тоже отлучался, предшествующей, ночью, отсутствовал два часа. Оправдался тем, что был в туалете, якобы, мучался животом. А часовые техпарка доложили, что кто-то неопознанный, пытался дважды, проникнуть на территорию, но вспугнутый, сторожевыми собаками, скрывался в кустах. Время терять больше нельзя, думал я, ведь, они же ведут подрывную работу, раскрывают важную информацию, о нашей армии, и решил идти к Лагутину, немедленно. Сложил чертежи в полевую сумку и поспешил в штаб, день клонился к вечеру, и я боялся не застать, Лагутина, у себя в кабинете. Но он оказался на месте, и не один, серьёзный, пожилой капитан госбезопасности, внимательно, разглядывал меня, как бы, оценивая, что я за «фрукт».

– Заходи, Галитин, не стесняйся, это мой хороший знакомый, ещё с Гражданской, Кузьма Иванович Пряничек, начальник особого отдела нашей армии! Простецки, так познакомил нас Лагутин. Ну вот, попал как кур в ошип, чертыхался я про себя, а «дед» наш с юмором, только мне вот, не до смеха. – По глазам вижу, хотел что-то «секретное» сказать! Валяй, смело, капи-

тан госбезопасности, кремень, слова ни кому не скажет! Этот Пряничек, «который, никому не по зубам», скупой улыбнулся, при последних словах комиссара, и по прежнему молчал. Я набрал в рот воздуха и заговорил. – Товарищ дивизионный комиссар, это дело особой важности, поэтому, хотел доложить вам лично, но оно, напрямую касается начальника особого отдела! Т-а-а-к, сказали они в раз, и переглянулись. Мой подробный рассказ, конечно, не походил на клевету, но им не хотелось верить, что рядом работает враг, тем более люди, которых, они хорошо знали лично, но зерно подозрения, всё же, упало в их души. Начальник особого отдела сказал мне, строго. – Никому об этом, ни гу-гу, молодец, что поставил в известность органы, я всё проверю, по своим каналам, иди, лейтенант, и будь здоров!

Но с этого момента, всё пошло не так, как хотелось бы. Едва вошёл в свою палатку, ехидно, улыбающийся Тупилин, как будто-то, за тем и ждал меня, чтобы испортить настроение, единственной фразой, источающей, зависть и ненависть, одновременно. – Вы, лейтенант, заносчивый везунчик, не хотите поделиться своими успехами, даже с вышестоящими начальниками! Не считаете нужным, давать отчёт, о проделанной работе, завтра на построении, вам поставят это на вид! Сегодня, я не сдержался, и ответил прямо и жёстко. – Если, кому-то невдомёк, что моя работа является секретной, то это не моя вина! Я отчитываюсь перед теми, кто мне ставил задачу! Скажи политрук, почему, ты такой чёрствый, завистливый и своенравный, разве этому, тебя учили в военном политическом училище? Шёл бы ты, лучше в интенданты! Он, задрал нос, вышел из палатки. Поспать мне в эту ночь не удалось, казалось, только заснул, и как назло, сыграли тревогу. Дело, оказалось, не шуточное, на огороженной площадке, с отремонтированной техникой, неизвестные напали на часового, тяжело, ранив его ножом. Часовой, на мгновение, пришёл в себя, и успел сделать выстрел, подняв тревогу. Злоумышленники, не успели, попортить технику, скрываясь, бросили в кузов тягача бутылку с зажигательной смесью. Пожар не нанёс большого вреда, так как, его сразу потушили, а диверсантов и след простыл. И этим дело не закончилось, за час до подъёма, снова тревога, всем офицерам выдали личное, табельное оружие, причиной всему, была потеря машины с офицером связи. Офицер связи вёз секретный пакет, с шифрами и кодами, выехали они вечером, а в корпусе не появились. Необходимо было проверить, дорогу до станции, и далее до города, а лес, прилегающий к дороге, прочесать, как ни странно, я попал в эту группу. Я ехал в кузове первой машины, примерно, на полпути от корпуса до станции, увидели, стоящие, две машины на встречу друг другу.

Нам открылась не радостная картина, возле эмки, ехавшей в город, два трупа, солдат НКВД и капитан госбезопасности Пряничек, а у второй машины, солдат и капитан связи, у всех четверых, аккуратные дырки во лбу, и кровавые пятна на груди. Секретный пакет, у связистов не был обнаружен, что и следовало ожидать. Ситуация виделась, парадоксально. Ехавшие, навстречу друг другу, ответственные, советские командиры, перестреляли, ни с того, ни с сего, друг друга! Но, я представил это по другому. Начальник особого отдела, Пряничек, выехавший от Лагутина, поздно вечером, по злему стечению обстоятельств, оказался на дороге, в момент нападения шпионов, на машину связистов. Ввязавшись в перестрелку, был убит, вместе с шофёром. А как, нападавшие, узнали, об этом пакете? Неужели, в штабе армии, есть их агент? Очень хотелось, чтобы «особисты» побыстрее, и правильно, справились с этой задачей.

День начался с бешеной круговерти, вернулись в расположение части, во время завтрака, не успел позавтракать, общее построение корпуса, развод по местам поставленных задач, не успел поставить, своим бойцам, конкретную, задачу, прибегает посыльный из штаба корпуса! – Товарищ лейтенант, вас срочно вызывает комиссар Лагутин! Быстро отдал «бразды правления», сержанту Липягину, с наказом, выполнять прежнюю работу, и бегом побежал в штаб, взволнованно, думая на ходу, случилось, что-то очень важное. В дверях штаба, столкнулся с капитаном Фонштуленко, тем самым Герасимом-Герхардом, который, стремился

быстро удалиться. Меня, посетило нехорошее предчувствие, я кинулся к кабинету комиссара, и, распахнув дверь, понял, что опоздал. Лагутин, лежал грудью на столе, и взгляд его, уже стеклянел, по мёртвому. Что он, действительно, мёртв, я не сомневался, проклятый Герхард опередил меня, буквально, на минуту, я бросился за ним в погоню, крикнув дежурному. – Фонштуленко, убил комиссара! Я видел, что Фонштуленко, уже подходил к крайней у леса улице, и перед тем, как повернуть в неё, оглянулся, увидев меня, бегущего за ним, он тоже побежал. Повернув следом за ним, мне открылась пустая улица, куда он делся, забежал во двор, или может, перемахнул через забор, и огородами уходит в лес!?! Моё внимание, привлёк, стук по стеклу, и я увидел в окне, крайнего от леса дома, седого старика, в очках, который, маячил мне, показывая рукой на свой двор. Я понял всё, достал из кабуры ТТ, и резко, отворив калитку, прыгнул в неё, кувырком через голову. От волнения, он выстрелил чуть раньше, и пуля просвистела мимо, я тоже выстрелил, целясь ему в ногу, он вскрикнул, перекосясь, от боли, пуля раздробила его коленный сустав. Он упал на бок, вцепившись, обеими руками, в раненную ногу, я стоял уже рядом, подняв его брошенный пистолет, и ждал, когда он откроет глаза. Я ненавидел его, и мне не жаль было его, ни капельки, он убил хорошего человека, мне ничего не стоило сейчас нажать на курок, но мне нужно было узнать, некоторые детали. Фонштуленко, как будь-то, почувствовал это, и, открыв глаза, проговорил, с не меньшей ненавистью. – Я ничего не скажу тебе, русский свинья! А я вспомнил, допрос Азамата, в ”пытошной» подъесаула Коловратьева, Азамат тогда, точно также, сказал дознавателю, который, спокойно, ему ответил, посмотрим!

Всё, получилось, самопроизвольно, я нажал каблуком сапога, на его изувеченную ногу. Душераздирающий крик, разнёсся по округе, я ослабил нажим каблука, и немного выждав, спросил, с непреклонной, угрозой в голосе. – Имя, звание, часть? В глазах его, стояли слёзы, но он молчал, скрипя зубами. Душа моя, кричала мне, «подлый палач». Но, я уже не мог остановиться, и постепенно усиливал нажим каблука, на раздробленную ногу, и он, вдруг, в ужасе, затараторил, как пулемёт, опасаясь моей не сдержанности. А я, всё задавал и задавал вопросы, пока не понял, что он, исчерпал себя. Я убрал каблук с его ноги, стоял и понимал, что сейчас, уже не смогу, в него выстрелить, но он сам помог мне, заговорив, нахально, и презрительно. – Это ничего не меняет, что ты узнал всё, вермахт, о вас тоже знает всё, и вы все, будете лизать ноги, у солдат непобедимого вермахта, они скоро будут здесь!

Я прервал его, выстрелом в грудь, но он всё-таки крикнул, вернее, прохрипел напоследок, «хайль». Обыскав его, забрал документы, запасную обойму, к его пистолету, а в заднем кармане брюк, был именной жетон, завёрнутый в носовой платок. Он так и назвался, как было написано на жетоне, «гауптман Герхард Фон Штулле, полк Брандербург». Какое созвучие фамилий, Фонштуленко и Фон Штулле, не правда ли? Я почувствовал, вдруг, сильную усталость, а нужно было, ещё идти в штаб, и писать рапорт, по поводу, всего случившегося. Почему, такое могло случиться, здесь у нас, думал я. Почему, за три месяца, было выведено из строя, более, чем две трети, всей боевой техники корпуса, и списали эту технику, как выработавшую свой ресурс. Почему, в этом никто не усомнился? Почему, Маша-Марта Шнейдер, из разведки абвер, смогла «успешно», как выразился Герхард Фон Штулле, который был ей не братом, а настоящим любовником, выйти замуж за комиссара дивизии? Почему, так просто, был завербован помощник, начальника оперативного отдела штаба армии? Как рассказал Герхард, виной всему была подруга Маши, Лена-Линда Вернау, тоже из абвера, и тоже «удачно» стала женой помначоопера, майора Серьгина. Майор, в нарушение инструкции, принёс домой портфель, с копиями личных дел офицеров армии. А любопытная жёнушка, проверила, и вместе с портфелем исчезла из дома, инсценировав похищение. И майор, молчал об этом, боясь расплаты за утрату секретных документов, при нарушении инструкции. Пока, к нему, деликатно, не подошёл Фонштуленко, с обещанием помощи, в возвращении Лены и портфеля, но в обмен

на карту, дислокации частей и подразделений армии, или Лена умрёт. И влюблённый, майор Серьгин, повёлся, и сдал всю армию с потрохами!

Связисты пострадали, по вине болтливого шофёра, ужиная в солдатской столовой, за одним столом, с рыжим Фогелем, шофёром полуторки Фонштуленко. Он проболтался, сетуя, что опять не повезло, придётся везти, на ночь глядя, в мехкорпус офицера связи с пакетом. И Фонштуленко устроил засаду, а гибель Пряничека, я угадал правильно, случайность. Комиссару Лагутину позвонили, уведомив в гибели офицеров и шоферов, и он, переживая смерть друга, и беспокоясь о деле, которое, он не успел закончить, позвонил в особый отдел, с просьбой, разобраться с подозреваемыми. Заместитель, начальника особого отдела, старший лейтенант госбезопасности Хрюкин, человек, не далёкий, в политике и пристрастный к алкоголю, был в хороших отношениях с Фонштуленко, «на этой почве», он позвонил комиссару дивизии Поламарчуку, и участь Лагутина была решена. Вальтер и Готлиб, были внедрены по документам, убитых командированных, Панарина и Яниса.

Голос старика за спиной, вывел меня из раздумий. – Ты, всё правильно сделал, сынок, это фашист! Я старый человек, много видел и пережил, за свой век! Мы с Сарой жили в Германии, детей завели поздно, и радовались им! А фашисты, пришли и убили моего Лейбу, а ведь, он был хорошим врачом и никому не делал зла! Моя Сара хотела защитить сына, но получила прикладом в висок, и нет больше Сары! Я схоронил жену и сына, и, бросив свою аптеку, с единственной дочкой Адой, бежал в Россию! Я, Мануэль Давидзон, фармацевт, всю жизнь делаю лекарства, так почему, я должен терпеть это, они устроили в моём доме, место встреч, и увели мою дочку Аду, пригрозив убить её, если я их выдам! Так вот, я устал бояться, они держат её в сторожке, у лесника Пахома, там у них рация и радист Фридрих, спасите мою Аду, молодой человек! Я успокоил старика и спросил. – Как найти мне, эту сторожку, отец? – О, это очень просто, молодой человек, простите, не знаю, как вас называть? – Зови меня, Коля, отец, а сам подумал, ведь, Герхард не сказал мне о Пахеме и радисте, молодец старик, нельзя оставлять их при связи! – Так вот, Коля, сразу за моим домом лес, увидишь большой, засохший дуб, от него вправо уходит маленькая, но хорошо заметная тропинка, она и ведёт, прямо к сторожке! – Коля, только будь, пожалуйста, осторожен, они вооружены. Я, пошёл бы с тобой, Коля, но мои больные ноги, боюсь не дойду, и буду обузой! – Не волнуйся, отец, и жди нас дома! Сказал я, и побежал к той шпионской сторожке, время было дорого. Я бежал по тропе и думал, не угодить бы в засаду, тропа наверняка охраняется, надо постараться, хотя бы бежать, не создавая лишнего шума. С тропы я сойти не мог, не зная местности, мог легко заблудиться.

Сколько я пробежал, километра три или четыре, просто стал уставать, и решил чуть-чуть отдохнуть, присел, привалившись спиной к дереву, успокаивая, запалённое дыхание. И вдруг почувал, как будь-то, напахнуло табачным дымком, я лёг на землю и осторожно отполз от тропы в лес, спрятавшись за дерево, медленно высунул голову, поверх мелкого кустарника и травы, и огляделся. По тропинке никто не шёл, метрах в пятидесяти она круто заворачивала направо, я продолжил взглядом примерный маршрут тропы, и неожиданно, увидел его. Здоровенный мужчина, сельской наружности, сидел у дерева и смотрел через кусты на тропу, в сторону поворота. В зубах его дымилась «самокрутка», левая рука его была забинтована и покоилась на груди, на перевязи через шею, в правой он держал маузер. Вероятно, это был Пахом, его нужно обязательно нейтрализовать, в рукопашную его, даже однорукого, вряд ли одолею, стрелять нельзя, звуки по лесу далеко разносятся, услышат в сторожке. Мне удалось незаметно подкрасться к нему сзади, и я, что есть силы, ударил его рукоятью пистолета по голове, какое-то время, он сидел неподвижно, потом, медленно, завалился набок. Пришлось, прислонить его обратно к дереву, и привязать к нему. Руки также, не жалея раненой, завёл назад и связал позади дерева. Снял с него сапоги и связал портянками ноги, картуз его, применил вместо кляпа, а глаза завязал носовым платком. Вот, и порядок, отдыхай дяденька, говорил я удо-

влетворённо, поднимая с земли его маузер, а свой пистолет, засовывая в кабуру, теперь надо поскорее к сторожке, и заканчивать с этим делом, умаялся я!

Очень скоро, сквозь деревья, я увидел сторожку, маленькую избушку с одним оконцем, и стал напрямую, без тропы, приближаться к ней. Избушка стояла посреди небольшой полянки, у высокой ели, оставленной, видимо, для создания тени в жаркий день. Избушка, как будь-то, была пуста, а под елью на скамеечке, возле рации, сидел щуплый паренёк, в наушниках, и стучал морзянку. Всё ясно, соколики, у Фридриха-Феди сеанс радиосвязи, а Пахом на стрёме! Но, где же Ада? Надо с этим срочно разбираться! Я мог, конечно, запросто, как Пахома, оглушить и Фридриха, тем более, что он ничего не слышал, будучи в наушниках, но я, почему-то наивно полагал, что справлюсь, со щуплым Федей, без проблем. Подойдя к нему сзади, я упёр ствол маузера ему между лопаток, и громко, скомандовал, «руки вверх!» Я, не успел, даже сообразить, как он мог, этим, немислимым, пируэтом, резко, развернуться, и, моментально, выбить, из руки, маузер, далеко в траву. Стало ясно, что у него, хорошая подготовка рукопашного боя, чего нельзя было сказать обо мне. Не дав мне опомниться, он, нанёс мне удар носком сапога, прямо в ухо, в голове моей звенело, я отлетел в сторону, но на ногах устоял. Фридрих, выхватил из-за голенища нож, и бросился на меня, я успел перехватить его руку, но он, подножкой, свалил меня на спину, и «оседлав», навис надо мной, всей тяжестью, давя на рукоять ножа.

Вернее всего, потерялся бы лейтенант Галитин, в незнакомом лесу, но, грохнул винтовочный выстрел, и он, сразу, безвольно, обмяк на мне. Из последних сил, я столкнул его с себя, и увидел девушку, с карабином в руках, которая, подошла к нам, и, с большим презрением, дважды выстрелила, ему в промежность. Потом, бросила наземь карабин, и опустившись на колени, тупо, уставилась в одну точку. Я понял, что это она, дочка фармацевта, встал с ней рядом, тоже на колени, и взяв её за плечи, сказал. – Спасибо тебе, Ада! Откуда ты появилась, так вовремя? Её, оказывается, всё время держали взаперти, в избушке, в маленькой коморке. Сегодня, она видела, через щель, в дощатых дверях своей коморки, и в открытые двери избушки, как Пахом ушёл в лес, а Фридрих, занялся рацией, её никогда не покидало желание побега, а тут, представился подходящий случай. Найденным в каморке, старым гвоздём, принялась, потихоньку, двигать засов, и когда дверь открылась, сорвала со стены, висевший, карабин Пахома, и решила исход поединка. Я видел, она не в себе, надо её, как-то, отвлечь от произошедшего, и я, сказал ей, сделав глуповатый вид. – Я где-то слышал, что мужчина, которого спасла женщина, должен на ней жениться!? – Ты меня не очень торопишь? Я успею собрать вещи? – Ну, вот, ещё! Какие глупости! Строго сказала она, и слегка, улыбнулась. – Вот, и славно, – молвил я, складывая в вещмешок, рацию, документы Фридриха, трофейные пистолеты. А, Ада, сказала. – Мне собирать нечего, я готова идти! И повесила, на плечо, карабин.

Нужно было спешить, у нас ещё много осталось дел, которые, как известно, не ждут. Пахом нас «заждался». Я, сразу, понял, что он, давно «оклемался», и крутил головой. Слыша наши, приближающиеся, шаги. Я наклонился, чтобы отвязать его, но от неожиданного выстрела, мы дёрнулись оба, и Пахом, уронил голову на грудь, на светлой рубахе его заалело пятно, быстро увеличиваясь в размерах. Я ничего не успел предпринять, а Ада, уже передёрнув затвор, выстрелила ему в низ живота, как и Фридриху, там, у сторожки. – Зачем ты, Ада? Он нужен был живой! Она, вся бледная, дрожа и заикаясь, от возбуждения, проговорила. – Он-ни, н-на-си-ло-вали меня, оба! Я н-не хо-чу жить! З-за-стрелюсь! И точно, застрелилась бы, уверенно, сбросив туфель с ноги, но, я выхватил у неё карабин. Она, яростно, колотила меня, своими, маленькими, девичьими кулачками. Потом, заплакала, уткнувшись лицом, мне в грудь. Я успокаивал её, как ребёнка, обняв, и глядя рукою, по волосам. – Ну, что ты, успокойся, никто об этом не узнает, дома тебя ждёт отец, как бы, он жил, глупенькая, без тебя! А ты хорошая, и всё у тебя, в жизни, будет хорошо! Не плачь! Говорил я, вытирая слёзы, на её щеках. – Пойдём домой, потихонечку, у тебя ещё вся жизнь впереди!

Покойник, лежал уже в тени, под навесом, накрытый, старой дерюгой. Давидзон, ждал нас у ворот, он прослезился от радости, увидев дочь живую и невредимую, и принял её в свои объятия. – Коля, как мне вас благодарить? Вы вернули меня к жизни! – Это я вас должен благодарить, за дочку, боевая она у вас, застрелила бандита и мне жизнь спасла! – Так, и да! Она умеет стрелять, ходила на курсы в ОСАВИАФИМ! Коля, зайдите к нам в гости, прошу вас! – И рад бы, но у меня, совершенно, нет времени сейчас, я приду к вам, обязательно, позже! Я вынул из кармана, пистолет Герхарда, и протянул его Аде. – Это вам, для самообороны, только спрячьте подальше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.